

За воротами храма, чьи створки были выкрашены в ярко-алый цвет, рос столетний камфорный лавр. Его густая крона отбрасывала на мощеный двор причудливые пятнистые тени, а ствол, покрытый изумрудным мхом, был сплошь увешан красными лентами — знаками желаний, оставленных паломниками.

Несколько монахов в простых одеяниях, с четками на шеях, неспешно подметали дорожки. Бамбуковые веники издавали сухой, отчетливый шорох, касаясь каменных плит.

Ся Чжюань встала спозаранку и поспешила сюда, чтобы не разминуться с Великой принцессой Чанъи. На листьях еще дрожала утренняя роса, хотя верующие уже начали стекаться к храму. Чжэнъинь считался самым прославленным храмом города Цзиньчжоу, и поговаривали, что сановные особы здесь — частые гости.

— Барышня, кого мы здесь ждем? — прошептала Чуньни. — Вы уже целую вечность смотрите на эти листья... Что в них такого особенного?

Служанка не понимала, в чем дело, но послушно стояла рядом. Наконец, не выдержав, она решилась задать вопрос. Ей казалось, что барышня стала совсем другой, хотя описать эти перемены она бы не смогла. Но одно было ясно наверняка: барышня хотя бы начала пить лекарства. Раньше она тайком выливали отвары, твердя, что если ее болезнь станет тяжелее, отец, возможно, наконец-то навестит ее. Чуньни тогда лишь качала головой, вздыхая и пытаясь утешить госпожу, но та была глуха к словам, лишь повторяла: Чуньни, ты не понимаешь... отец он... А потом часами сидела, подперев подбородок рукой, глядя на реку за окном. Даже в дождь она не отходила от окна, позволяя холодному ветру бить себе в лицо. Нынешние перемены, безусловно, были к лучшему.

— Я жду одного человека.

Едва произнеся это, Ся Чжюань вздрогнула. Ее взгляд упал на фигуру, появившуюся за спиной Чуньни. Пальцы Ся Чжюань непроизвольно сжались, а сердце внезапно забилось чаще.

Заметив перемену в лице хозяйки, Чуньни проследила за ее взглядом и увидела женщину в красном, стоявшую под камфорным лавром. Ее сопровождали двое стражников с мечами на поясах и в черных железных масках, скрывавших лица.

Ветер развеивал полы ее алого платья, а черные, как смоль, волосы были уложены в сложную прическу и закреплены изящными золотыми украшениями. Она смотрела вверх, на красные ленты, и, возможно, та, что висела прямо перед ней, была повязана ею собственноручно.

— Это... это же Ее Высочество принцесса! — Чуньни была вне себя от волнения.

Расстояние было приличным, да и паломники, заметив двух грозных Теневых стражей, сопровождавших женщину, благоразумно держались поодаль. Теневая стража — элита

императорского двора, наделенная огромной властью. Люди предпочитали обходить их стороной, опасаясь, что их заподозрят в каком-нибудь тяжком преступлении.

— Тише, — одернула ее Ся Чжюань.

Она мысленно вздохнула: девчонка всегда была такой шумной, совершенно не умела держать язык за зубами. Настоящее решето!

— Слушаюсь, барышня, — Чуньни испуганно прикрыла рот рукой, но было поздно.

Теневой страж, стоявший рядом с принцессой, обладал феноменальным слухом. Он повернул голову, и черная железная маска уставилась прямо на них. В прорезях маски царила пугающая пустота. Чуньни невольно спряталась за спину Ся Чжюань: мать в свое время немало рассказывала ей о Теневой страже, и каждая история была страшнее предыдущей.

Доспехи стражей при движении издавали едва слышный лязг. Обычно они не носили полных лат, предпочитая легкое снаряжение для удобства, но сегодня, охраняя Ее Высочество, они не могли допустить ни малейшей ошибки.

Услышав шум, Чжао Чанлинь обернулась. Ее взгляд упал на хрупкую девушку в тяжелой меховой накидке, чья белизна на ярком солнце лишь подчеркивала болезненную бледность ее лица.

Почему она пришла сюда сегодня? Неужели молится о собственном здравии? Чжао Чанлинь вспомнила иероглиф спокойствие, начертанный на красной ленте, которую она видела ранее. Возможно, так оно и есть. Отец говорил, что чем ближе человек к краю, тем отчаяннее он цепляется за жизнь. В такие моменты люди идут на все. Поэтому, будь ты правителем или простолюдином, нельзя позволять, чтобы твоя жизнь зависела от чужой воли — иначе не будет ни жизни, ни смерти.

Чжао Чанлинь взглянула на свои запястья, украшенные алыми буддийскими четками. Она часто бывала в храмах. Было бы невежливо не подойти и не поздороваться, раз уж они встретились.

— Ждите здесь, — бросила Чжао Чанлинь своим спутникам.

Двое стражей переглянулись, но тут же поклонились.

— Слушаемся, Ваше Высочество!

Чжао Чанлинь, слегка приподняв бровь, направилась к ним. На ее губах играла легкая улыбка. Ся Чжюань с удивлением заметила крошечную ямочку на ее щеке. В оригинальном произведении об этом не было ни слова — там принцесса Чанъи всегда была погружена в

мрачные раздумья, плетя интриги в тени, словно ничто не могло остановить ее на пути к трону.

— Ты... почему ты здесь? — спросила Чжао Чанлинь. — Пришла помолиться?

Скрестив руки на груди, она прислонилась к каменной колонне, украшенной искусной резьбой в виде лотосов. В ее голосе не было той официальной строгости, с которой она держалась в своей резиденции. Она говорила так непринужденно, как не позволила бы себе ни одна благородная девица столицы. Ветер ласкал ее алое платье, прижимая ткань к колонне, а в глазах светились ожидание и тепло.

— Ваше Высочество... именно так, — ответила Ся Чжюань.

У нее перехватило дыхание. Ее изумление не было притворным — эта женщина завораживала ее. Настоящий суккуб, не иначе.

— Не нужно мне кланяться. В людных местах — пусть будет по-твоему, но здесь никто не следит за каждым твоим движением, — Чжао Чанлинь подалась вперед. — Я так сказала. Мое слово имеет вес?

Она протянула руку и коснулась локтя Ся Чжюань. Расстояние между ними сократилось до предела. Щеки Ся Чжюань вспыхнули, жар разлился по всему телу. Она поняла, что пропала: все ее внимание было приковано к губам стоящей перед ней женщины.

<http://bllate.org/book/21515/2206964>